

výklade a komentovaní autorky Ivany Račlovej otvárala svojím životom a aktuálnym záujmom ruskej kultúrnej spoločnosti o dôkladné poznanie svojej kultúrnej, duchovnej a hodnotovej minulosti, s ktorou je prítomnosť úzko spojená tým, čo o nej dôkladne vie a čo pozná v kontexte času a jeho obsahov.

Marginália: rusistka Ivana Ryčlová, napovedá o tom jej zverejnený výskum (*Bílý tenec*, 2001, *Šedá je barva naděje*, 2001, *Ruské dilema*, 2006, *Cesta*, 2010, *Mezi kladivem a kovadlinou*, 2012) svojím výskumom ruskej literárnej histórie zareagovala na ponuku nedávnej kultúrnej minulosti, na „otvorenie archívov“ a dotváranie kontextov na priesečníku mýtu a skutočnosti v prospech toho, čím autor žil a čo ho uchováva ako hodnotu pre potomkov nielen jeho rodu, ale predovšetkým mohutnej ruskej kultúry. Publikácie *Ruské dilema*, *Mezi kladivem a kovadlinou* sú o konkrétnych ľuďoch, v konkrétnej dobe s konkrétnymi pochybeniami i obdivuhodným vzorom. Dejiny učia, vždy a za všetko sa vo vypätých vzťahoch a situáciách platí tým najcennejším, osobnou a mravnou identitou, slobodou a príležitosťou na tvorbu a život. V tomto zmysle sú publikácie podnetné, poučné a „varujúce“. Svojím poznaním sa menia na výstrahu, preto mala by, ba musí materiálový výskum Ivany Ryčlovej oslovit' aj spoločenské vedy a v tomto prípade najmä literárnu históriu. Tú azda najskôr zvlášť pre to, čo do seba prijme z osobného, autorského, ľudského, občianskeho života jednotlivca i historickej doby a ako zhodnocuje najskôr len ako informácie, v ďalšom vývinovom kontexte doby, druhu a generácie ich dotvára na podložie, v ktorom sa identifikuje autor, jeho tvorba i prostredie, do ktorého jeho umenie primárne vstupuje a v ňom pôsobí.

Teda ide o to, čo ostáva v archívoch, rodovej a rodinnej pamäti, v dokumentoch a tvorí neodsunuteľnú časť porozumenia autorovi ako občanovi a človeku, a to preto, lebo literárna história vie a má na to metodologické postupy, ako dokáže celostne a nasýtené rekonštruovať kontakty medzi spoločenskou praxou a noetikou umelcovej tvorby. A na tom azda záleží najväčšmi, ak dejiny literatúry majú byť nápomocné pri porozumení histórii ľudstva.

Viera Žemberová

ПУТЕШЕСТВИЯ В СВЯТУЮ ЗЕМЛЮ – МИФЫ И РЕАЛЬНОСТЬ

Kšicová, D.: *Cesty do Svaté země XII. – XX. století. Mýty a realita v ruských a českých cestopisech*. Brno: Masarykova univerzita, 2013. 336 s. ISBN 978-80-210-6139-2.

Новая книга проф. Дануши Кшицовой посвящена «хождениям» в Святую Землю русских и чешских паломников. Помимо изучения становле-

ния жанра путевых заметок, автор также уделяет внимание мифологическому аспекту жанрового дискурса путешествий в обеих славянских литературах, на что указывает подзаголовок книги: *Мифы и реальность в русских и чешских паломничествах*.

Для своего исследования Дануше Кшицова выбрала произведения двенадцати авторов (шестерых русских и шестерых чешских), написанные в период с 12-го по 20-й век, которые впоследствии анализировались в хронологическом порядке. В первую очередь разобралось знаменитое хождение игумена Даниила, совершившего свое паломничество к храму Гроба Господня

в 1104–1106 гг. Далее рассматривались путешествия пяти представителей чешского гуманизма: Мартина Кабатника (1491–1492), Яна Гасиштейнского из Лобковиц (1493), Ольдржиха Префата из Влканова (1546), Вацлава Вратислава из Митровиц (1591–1595) и Криштофа Гаранта из Польжиц и Бездружиц (1598). Петровскую эпоху в России представляет странствие по Святой Земле московского священника старообрядческой церкви Иоанна Лукьянова, предпринятое в 1701–1703 годах; последующий девятнадцатый век – путешествие русского государственного и общественного деятеля Авраама Норова в 1835 году. Затем упоминаются впечатления от поездки в Иерусалим Н. В. Гоголя, описанные им самим в частных письмах к друзьям, и путешествие на Ближний Восток Яна Неруды в 1870 году. Наконец, двадцатый век представлен двумя авторами эпохи модернизма – Иваном Буниним («Тень птицы», 1907) и Андреем Белым. Последний посетил Святую Землю в 1910-м году.

Такое многообразие имен, помещенное в широкий пространственно-временной контекст, наиболее полно и всесторонне их отображает общую картину формирования поэтики и композиции жанра «хождения» в рассматриваемых культурах. Поскольку практически все исследуемые путешествия носили паломнический характер и предпринимались как некие духовные поиски, обратим внимание и на то, что кроме временных и территориальных границ, разделяющих вышеназванных авторов, многих из них разделяют также конфессиональные границы христианского вероучения. Так, напри-

мер, среди выбранных писателей есть приверженцы церкви православной (игумен Даниил, А. Норов, Н. Гоголь и др.), русской старообрядческой (И. Лукьянов), католической (Ян Гасиштейнский, Вацлав Вратислав) или же протестантской (Мартин Кабатник). Таким образом, проф. Кшицова не просто предоставляет нам возможность ознакомиться с религиозным миропониманием человека, принадлежащего той или иной эпохе, но и с его восприятием быта, обрядов и реалий как собственной, так и «чужих» церквей.

Каждому из двенадцати путешественников посвящена самостоятельная обширная статья, включающая необходимую информацию о его происхождении, положении в обществе, роде занятий, цели и организации задуманного предприятия (вплоть до указания средств передвижения, количестве сопровождающих, финансовых затрат на дорогу и т.д.). Пристальное внимание уделено также исторической и политической ситуации на Ближнем Востоке в период, когда он становился пунктом назначения того или иного паломника. Немалую ценность представляют и подробные сведения о первых публикациях, последующих редакциях или переводах путевых заметок, составляющих предмет изучения книги, часто с указанием имен издателей и библиографических данных.

Основу книги составляет параллельное наблюдение за трансформациями мифического и реального (см. подзаголовок) в субъективном процессе создания образа Святой Земли тем или иным автором; трансформациями, которые впоследствии приводят к модификации жанра хождения как такового. Д. Кшицова придает равное значение как вере (или неверию) паломников в христианские легенды и чудеса, т.е. их личному духовному восприятию атмосферы святых мест и их окрестностей, так и бытовому аспекту путевой жизни: дорожным трудностям и происшествиям, качеству питания и ночлега, каждодневному общению и конфликтам с местным населением и т.п., все это – в контексте конкретного исторического периода, общеевропейского уровня культуры рассматриваемого периода и места человека в ней. Благодаря такому почти перцептивному анализу воспоминаний о Святой Земле, оставленных двенадцатью путешественниками на протяжении нескольких веков, читателю становится ясно, как и почему на смену хождению игумена Даниила, написанному в 12-и веке в духе смиренного послания единоверцам, постепенно приходят ироничные фельетоны Яна Неруды в конце века 19-го. Таким образом, книга проф. Кшицовой, посвященная путешествиям, сама является своего рода путеводителем по жанру хождения в пределах целых девяти веков.

В заключении хочется отметить великолепное оформление издания, богатого фотографиями описываемых мест (сделанными автором), рисунками известных путешественников (К. Гарант, А. Белый), географическими

картами и прочими иллюстрациями, усиливающими впечатление от прочитанного.

Анна Стеценко

SETKÁNÍ SE SLOVY ZDENKY BERGROVÉ

Bergrová, Zdenka: *Potkávám slova*. Ústí nad Orlicí: Oftis, 2012. 118 s. ISBN 978-80-7405-158-6.

Zdenka Bergrová se do širšího povědomí české kulturní veřejnosti zapsala především svými překlady poezie. Nejvíce poezie ruské a ukrajinské, event. běloruské: Někrasova, Ševčenko, Puškina, Lermontova, Kupaly, Jesenina, Pasternaka, ale také Kjuchelbekera, Brjusova, Ščipačeva, Pidsuchy, Hončarenka, Tušnovové a řady dalších. Občas zabrousila i do neazbuckých sfér, k Baudelaireovi, Verlainovi, Hugovi, Goethovi, letmo si sáhla na Shakespearovy sonety, na německy psané básně mladého Máchy, na laštinu Ondry Lysohorského. Nevyhýbala se ani próze (Dostojevskij, Korolenko, Gorkij, Kuprin, Lermontov, Senkovskij) ani divadelním hrám (Ostrovskij a opět Lermontov). Nemluvě o málem čtyřicítce veršovaných i neveršovaných titulů dětské literatury překládaných zdaleka nejen z ruštiny.

Ve stínu takto rozsáhlých – a v případě Někrasova unikátních – překladatelských aktivit zůstávaly a dodnes zůstávají její ostatní aktivity. A to nejen ty publicistické, komentátorsko-editorské, rozhlasové, divadelní, pohádkářské a povídkářské. Platí to i o těchto básnických, ačkoliv tady dosáhla výsledků, jež v její celoživotní bibliografii zaujímají nepřehlédnutelné místo: čtrnáct sbírek veršů a kolem sto šedesáti básní mimo sbírky. Jenomže na rozdíl od Bergrové překladatelky cizí poezie, která se plně prosadila už na přelomu čtyřicátých a padesátých let, Bergrová původní česká básnička nic podobného nikdy nezažila a ke čtenářům se prodírala mnohem déle a svízelněji. Verše sice psala od raného protektorátního mládí (jednu básničku jí v Mladé frontě otiskli hned po válce v červenci 1945), uveřejňovat je však začala teprve na prahu čtyřicítky roku 1962. Poté svou veršovou produkci publikovala celkem pravidelně, jenomže takřka výlučně na stránkách dobových periodik či příležitostných tiscích jako novoročenky, katalogy výstav, divadelní programy apod.

Jistou změnu znamenala až sametová revoluce roku 1989, neboť během polistopadového dvacetiletí ke dvěma předchozím sbírkám (jedné v sešitové podobě, jedné v podobě knižní) konečně přibyl větší počet dalších. Konkrétně dvanáct, přičemž u jedenácti šlo o sice nikoliv vázané, pouze brožované, leč pohledné a většinou pět archů čítající knížky; ta zbývající zabrala celou pravidelnou literární přílohu kulturního obytideníku Tvar. Všechny je typograficky opečovával